

ще. Ближайшее от нас — на улице Ленина, у Петрухинского ручья — было с двумя накатами бревен, а внизу, на земле, почти всегда стояли лужи дождевой воды.

Первые воздушные тревоги. К счастью, учебные. Вечером по затемненным улицам ходили патрули. И не дай Бог из какого-нибудь окна пробиться щелчок электрического освещения. Патруль тут как тут!

Когда началась Отечественная война, мне было десять лет. Вот на этом возрасте, похоже, и кончилось мое детство. Жизнь заставляла нас, подростков, быстро взрослеть и многому учиться, невзирая на возраст. Уже тогда я мог подшивать валенки, пилить и колоть дрова, ходил за водой на колодец.

НЕСКОЛЬКО дней провел я у военкомата, провожая отца. Призывники из города к районам заполнили всю площадь, что за высоким забором. А мы, пацаны, забравшись наверх забора, как взъерошенные воробы, часами ждали, когда в очередной раз подойдет кто-то из своих. Моего отца дважды оставляли «до особого», и вечером мы вместе возвращались домой.

Вспоминаю ту площадь у военкомата: сколько их там было — молодых, сильных, красивых парней! Ведь через наш военкомат отправлялись на фронт не только котлашчане, а и из других соседних районов — Сольячегодского, Красноборского, Черевковского, Вилегодского. Огромная масса народа.

И вот сейчас, читая в нашей газете несконченный список погибших, я будто снова вижу тех живых людей, уходивших на фронт. Многие из них уходили добровольцами.

...Еще об отце. Как память о нем я храню стопку писем-треугольников, которые он успел написать нам за год фронтовой жизни. Храню его мирные довоенные документы — планшета строительно-каменного порта. В моей памяти он — очень живой и веселый, играл на гармошке, любил хорошую песню. Уходя на фронт, подарил мне большую карту Советского Союза, с которой я долго не расставался. Все карту я расчертил на прямоугольники. Таким образом легче было переписать без пропусков все города Союза в отдельный блокнот. Вот почему и теперь я помню местонахождение почти всех даже малых городов, уже, уже другой страны.

...Война быстро вносила свои коррективы в жизнь нашего маленького тогда деревенного городка. Появились продовольственные карточки на хлеб, на сахар, на крупы, рыбу. В городе построили первые бомбоубежи-

ло тогда, что а кармане далеко не всегда оказывались деньги на билет. В этом случае мы забирались на крышу вагона и преспокойно ехали, куда надо. Очень популярен у котлашчан был тогда пригородный паромод «Рогачев», ходившим почему-то с явным креном на один борт. В начале лета он возил нас за щавелем и луговым чесноком на Шипицинский и Вотлажский луга.

А сколько надо было заготовить кормов для двух коз, которые в то время были нашими спасительницами. В летнюю пору мы с мамой каждый день ходили в лес, где теперь цеха электромеханического завода, или ездили на лодке за реку, где всегда были богатые заросли иванья. Тяжелую, совсем не детскую ношу на плечах я и те-

В те зимние вечера читал я заповед. Познакомился с героями Сетон-Томпсона и Виталия Бианки, Джека Лондона и Соколовых-Микитовых, многих других писателей. В конце учебного года Нина Андреевна, подводя итоги, рассказала нам о значении литературы и отметила тех, кто дружит с книгой. Я с удивлением услышал от нее, что прочитал за учебный год 108 книг. Но кто-то из наших ребят прочитал еще больше. Оказывалась, Нина Андреевна побывала в библиотеке и просмотрела все наши карточки-формуляры.

Между прочим, тот третий класс был для меня далеко не безоблачным. Еще осенью я заболел скарлатиной и пролежал в больнице почти 40 дней. Ка-

Далеко от войны

Война... Это слово с давних детских лет вызывает у меня ощущение глубокого неприятия и протеста, будто заноза сидит у сердца. Мало того, что та страшная война унесла десятки миллионов советских людей, в том числе и моего отца, она недолго замедлила развитие страны, отрицательно сказалась на многих поколениях нашего народа. Трагедия войны в полной мере испытали не только взрослые, а и дети. Даже в тылу. Ведь в то время редко у кого в семье был дома отец. Сплошь безотцовщина.

Память

Очень быстро подрался голлод. На подобном хозяйстве речного порта как семье фронтовика нам отвели градки под картофель. Градки были в лесу, за Котлашкой, километрах в двух от города. Мы с мамой высжикивали под лопату не целые клубни, а резали их на части, стараясь сохранить что-то для еды. Чувство голода было настолько сильным и постоянным, что и сырая картошка с солью казалась нам очень вкусной. Иногда удавалось раздобыть кусочек твердого, как камень, хмыха. Он заменял нам конфету.

Словом, жили мы тогда скудно, но, я бы сказал, не замечали этого. Точнее, старались не замечать. Потому что всем было тогда плохо, всей стране. И, осознавая это, мы научились «перешагивать» трудности и голод. Помню, как наша маленькая компания подростков в осеннюю пору отправлялась то за ягодами, то за грибами. Особенно мы любили поездки на станцию Гарь. Приезжали на место еще с вечера и коротали ночь у костра, в лесной тьме. Зато рано утром на черничнике мы были первыми. Нас не очень смуща-

пер ощущаю иногда во сне.

Все лето до школьных сентябрьских дней для многих из нас было настоящим трудовым фронтом. А 1 сентября, как всегда, празднично нас встречала школа. С тех пор прошло более полувека, но я очень хорошо помню это деревянное здание на Набережной. И, конечно, свою первую учительницу Нину Андреевну Логачеву-Антушеву.

... Я часто достаю из альбома дорожку для меня фотографию нашего 3-а класса. И вспоминаю... Нам здорово повезло, что нашим первым педагогом стала именно Нина Андреевна. Она научила нас очень многому. И не только читать и писать. Прежде всего научила полюбить настоящему любить книгу. Счастливые были те дни, когда для нашего класса открывались двери библиотеки в железнодорожной школе № 76 (своей библиотеки у нас не было). Надо было видеть, как после уроков мы наперегонки мчались туда за очередной стопкой книг. И очень обижались, когда школьный библиотекарь Александра Ивановна Крюкова разрешила нам взять всего лишь одну или две книжки.

заповед, учебный год для меня был угрозой. Но Нина Андреевна много занималась со мной, чтобы я усвоил пропущенное, всячески подбадривала, чтобы я поверил в свои силы. Много помогали и школьные друзья-одноклассники. Итог того года был для меня совершенно неожиданным; по всем предметам только отличные оценки!

Как мы были горды, когда узнали, что наша Нина Андреевна добровольцем ушла на фронт. Наши детские души долго не могли смириться с тем, что место любимой учительницы занимает кто-то другой.

Вскоре деревянную школу закрыли, а наш класс в полном составе был переведен в школу № 76, где мы и продолжили учебу. И вот однажды нам вручили письмо с фронтовым обратным адресом. Нина Андреевна, оказывается, не забыла нас. Более того, ее очень интересуют наши школьные дела, успехи в учебе. Тот день для всего класса был настоящим праздником. Мы сразу же ответили Нине Андреевне. С тех пор у нас установилась постоянная переписка.

После войны Нина Андреевна, конечно же, вернулась к своей школьной работе. Я уверен, что в поселке Вычегодский многие знают ее.

Да, мы жили далеко от войны. Но ее дыхание, ее горький кровавый привкус мы, дети, чувствовали тогда ежедневно и ежечасно. Детская память цепко, порой в подробностях и деталях удерживает множество событий того времени.